

Тамара Булевич

Подари медвежаток

День разгулялся по-весеннему яркий, пронзительный и тёплый. Казалось, бездонная синева небосклона и всё земное тянула за собой ввысь. Улыбчивое солнышко весело катилось оранжевым колесом к своей горке. А на Медвежьей скале замшелые вековые пихты макушками прокалывали, раздирали на мелкие, пушистые клочья одинокое белёсое облако.

Каменистая верхняя дорога, выющаяся змейкой по гористой тайге, во всякую погоду служила Василию добрую службу. Нижняя, мягкая и более близкая, утопая в талых водах и грязи, была недоступна и узику, грозясь засосать по капот. А эта, каменка, так называли её с незапамятных времен уже выбрасывала из-под быстрых колес глинистую красноватую пыль.

Подъезжая к пихтовому яру, Ильин остановился. Сколько бы тут не ездил, а проскочить мимо не мог. Жена с дочкой вышли из машины и тоже обомлели от красоты. Неотразимой, завораживающей картины изумрудно-голубого эвенкийского океана. Простёрся он безбрежным разливом на все стороны света. Это диво они видят впервые. Василий же старался бывать здесь реже, чтобы глаз не привыкал, и сердце всякий раз ликовало, праздновало. Крепко желанное должно случаться редко. Тем и дорого!

Шумное семейство долго восторгалось разноцветными зайчиками, скачущими в игривых радужных лучах над парящей, плещущей волнами тайгой. Её величие, вобравшее суровость древних причудливых скал, таинственность недоступных ущелий, вековой сумрак непроходимых распадков и бесконечный перезвон мелких безымянных речушек, завораживало, обновляло, укрепляло душу, снимая с неё усталость от долгой северной зимы. Лишь пестрые островки посёлков прерывали то слева, то справа зелёное безбрежье тайги.

С высоты яра видны стройные, златоствольные сосняки, нежные светло-зелёные лиственницы и роскошные, изумрудные кедры. Тайга пленила и заманивала в благодатные лесные дебри.

– Пап! Это всё... твоё?!

– Наше, Настенька, эвенкийское. Смотри, смотри, загляденье-то какое! Аж глаза печёт и слепит. Отогревается лес – батюшка, теплеет, светится. От небес он отливает синевой, а от хвойников – тёмный. Вдыхает жадно щедрое солнышко и лёгким туманом дымится.

А взгляните вдоль реки. Тунгуска в быстрых бурунах. Пёстрой лентой вьётся по низинам и взгоркам. Летит голубой стрелой, с чистыми вешними водами к милому Енисеюшке. Видите, как над ней марева колышутся, бьются о горизонт? Ну, как? Насмотрелись? Омылись свежестью, надышались ветра вольного? Так вперед! Наш час потехи прошёл. Дела ждут.

Завтра Настеньке исполняется пять лет, и её впервые вывезли в далёкую таёжную глухомань.

– Едешь, папка, как деда Вэнко на собаках!

– Ты ж любишь на лайках кататься?

– Так это на стойбище, по тропинкам! А тут хочу поскорее увидеть зимовье деды Вани. Ты с ним строил, правда?

– Да -а... помогал. Всё было давно. Тогда мы с мамой Зиной ещё не нашли тебя под ёлочкой.

– А говорил, меня аист принёс на крышу!

– Да ты что! Напутал я. Нет-нет! Под ёлочкой, в жарках. Знаешь, Настенька, такой цветок?

–Знаю-знаю. Деда Вэнко и ты привозили нам с мамой букетики. Как магазинские розы, только во сто раз красивее.

– Точно, дочка! И ты похожа на них – яркая, на тонких ножках.

Увидев избушку издали, Настя завизжала, захлопала в ладоши и начала подпрыгивать на заднем сиденье лёгким мячиком.

– Я первая, первая нашла её! Знаю! Деда Ванина!

Выгрузив свежие запасы продуктов и всякую мелочь для сезонной охоты, Ильины дружно поделили, кому и что делать. Настеньке – собрать два букета цветов: маме и домой, маме Зине – прибраться, обогреть избушку, приготовить обед, папе Васе – всё остальное.

Девочка первой принялась за работу, весело бегала вокруг зимовья, крепко держа в маленьком кулачке букетик пушистых фиолетовых подснежников.

– С корнем, дочка, не рви. Им больно! Ломай стебельки. Тогда цветочки будут расти тут много лет. И твоих деток дождутся.

– Пап, а я скоро женюсь на Косте Расторгуеве. Он хороший. Конфетки в садик мне приносит.

– Ай-я-яй, Настя! Тебе же дядя доктор запретил есть сладкое! Вот матери расскажу – отшлёпает. И с женитьбой не торопись. Мала ещё.

– Так у нас весь садик женится!

– Ладно, занимайся делом. Потом поговорим.

Василий отгрёб от избушки старую хвою, прошлогодние наломанные ветром ветки, вмёрзшие в прозрачные бляшки тающего ледяного наста. Постоял, покурил и, неспеша, принялся разбрасывать не обогретый в тени снег. Он пористыми бугорками топорщился под лохматыми лапами стоящих у зимовья пихт и елей. В десяти шагах на вековых стволах сосен был устроен лабаз для провианта, охоты и прочих припасов. Здесь же хранились рулоны бересты. В любую непогоду она помогала быстро растопить кормилицу–буржуйку. Василий не раз использовал берестяные скрутки вместо факелов в кромешной темени на токовище.

– Пап! Смотри, а там медвежатки!

Восторженная Настя громко вскрикнула и подбежала к отцу. Размахивая подснежниками, показывала ими на косогор и тянула к медвежьему семейству. Василий едва удерживал дочь, потом поднял на руки и крепко прижал к себе. «Надо побыстрее уходить».

Неподалеку, в двухстах шагах, вдоль косогора лежало давно поваленное ураганом дерево. Бывая здесь, Василий часто наблюдал за ним. Отшлифованные до белизны корни издали напоминали множество человеческих рук, в немой мольбе и нетерпении простёртых к поднебесью. Сейчас по его стволу с расщепившейся, свисающей клочьями корой бегали, играя в догонялки, кувыркались, колотили друг друга два маленьких медвежонка. С подветренной стороны, греясь в тёплых лучах полуденного светила, стояла, слегка покачиваясь и томясь, матёрая медведица.

– Настя! Туда нельзя! Их мама не любит, когда к её деткам подходят люди.

Чтобы не привлечь внимание медведицы, Василий спокойно, без резких движений, ускорил шаг к зимовью.

– А ты, папочка, сам рассказывал про девочку Машу, которая жила у медведей и даже съела у маленького Мишутки похлёбку!

Недоверчивый тон дочери предвещал серьёзный разговор. Отцу ничего не оставалось, как приготовиться к защите.

– А вот и нет! Девочка вовсе не жила с ними. Просто заблудилась. Бродила одна по лесу и набрела на медвежий домик. Дедушка Лев Толстой хотел рассказать Машеньке и всем детишкам о жизни в лесу этих умных и добрых животных.

– Почему ж мы убегаем от них, если они добрые?!

Она вырвалась из объятий отца, спустилась на уже густо растущий травяной коврик. Ей так хотелось убежать к хорошеньким медвежатам, которые были совсем близко, барахтались у сушняка, громко взвизгивали и урчали от удовольствия, как Муркины котятки.

– Настя, послушай и постарайся понять. Все сказки начинаются и заканчиваются в детских книжках. Они живут там. В сказках люди разговаривают со зверями и птицами. И те отвечают им человеческим голосом, общаются, разговаривают. Как мы с тобой. Люди хотят, чтобы им было хорошо, дружат с медведями. Но в настоящей жизни не всегда так получается. В тайге человек и медведь, если они умные и желают добра, стараются не встречаться. Просто близко друг к другу не подходить. Хотя медведь – действительно умный зверь, но осторожный и мудрый. Помнишь, мы смотрели медведей в цирке? Там мишки – учёные. Дяди учат их общаться с артистами и зрителями.

Настя утвердительно кивнула головой.

– Но в тайге живут и плохие медведи. Мы же с тобой не знаем, каких встретили, правда?

Настя задумалась о чём-то своём. Немного помолчав, покружилась на месте на одной ноге и предложила:

– Пап, а давай сходим к ним и всё узнаем. Может, наши – добрые?

– Нет, дочка, пусть медвежатки поиграют без нас. Видишь, им весело! Да и в сказке медведи очень рассердились, когда увидели, что в их домике побывал кто-то чужой. Помнишь? Машенька сломала стульчик, смяла постели. Мишутка даже хотел укусить за это Машеньку.

– Вот, и неправду написал твой дедушка Лев толстый!

– Настенька, не «толстый», а Толстой. Не мой, а великий русский писатель. Повтори!

– Дедушка Толстой – наш большого роста писатель. А я скажу дедушке Лёве, что медведи так не живут и на людей не сердятся!

Её личико обиженно кривилось, и чёрные бусинки глаз покрылись влажным перламутром.

– Воспитательница Галина Ивановна говорила, наши медведи – самые лучшие и добрые! Живут и спят в берлоге. Похлебку не варят, у них нет печки, а кушают ягоды и мёд, – Настенька из-за возникших противоречий в её маленькой головке недоуменно и всё испуганней смотрела на отца, как-то почувствовав его нарастающую тревогу.

– Пойдём-ка, дочь, к маме. Наверное, заждалась, приготовила что-нибудь вкусненькое! – и оглянулся на медведицу, которая, он это почувствовал, уже обнаружила их. Василий посадил девочку на плечи и зашагал к зимовью. Та всем хрупким тельцем извивалась в крепких отцовых руках и махала медвежатам.

– Пап, зачем дяди в книжках рассказывают неправду?! И дедушка Лев тоже. Напиши ему, чтобы он так больше не делал!

Настенька горько расплакалась.

Скорое возвращение мужа и слёзы дочери насторожили Зину.

– Что случилось?!

Василий мимикой показал ей, чтобы та замолчала. Раздев малышку, вытер рукавом рубашки её горячие ручейки и усадил за столик.

– Предлагаю, мама Зина, напоить нас вкусным чаем. Хотим варенья с горькой и сладких пирожков. – Он, как ни в чём не бывало, беззаботно высказал их с дочкой пожелания и принялся помогать жене.

Пыхтя, ухая и подпрыгивая на раскаленной буржуйке, чайник источал запах сочных веток таёжной смородины. По особому случаю, Зина насыпала в берестяную вазочку любимых дочкиных конфет «Мишка на севере». И Настенькин мир сразу наполнился радостью.

После чаепития она безумолку болтала с мамой, разбирала пакеты привезённых из дому игрушек и в припрыжку разносила их по углам и лавкам избушки.

Воспользовавшись подходящей минутой, Василий заторопился в лес, якобы, за хворостом. А сам незаметно, чтобы не насторожить Настю, снял с крючка заряженный карабин и вышел, спрятавшись за пихтушкой, которая росла в метре от двери зимовья. Пожалели тогда с отцом срубить, чуть подростую, а теперь она, разлапистая и пушистая, выросла до небес. Стал наблюдать за медведицей. Та отвела медвежат подальше от сушняка, поближе к косогору и речке. Но уходить не торопилась. Василий хорошо видел скачущих вокруг неё неугомных шоколадных колобков.

«Вот и умница! Нечего нам выяснять отношения при детях».

Осторожно, прячась за деревьями, оглядываясь по сторонам и вслушиваясь в монотонный гул тайги, он направился в сторону медведей. Дойдя до сушняка, наверное, по-стариковски радуящегося ещё неостывшему следу резвых медвежат, их захлебывающемуся радостью дыханию, потрогал, погладил его тёплый ствол. И тут же, бросив взгляд в сторону косогора, заметил, как те кубарем вслед за медведицей с треском и рёвом покатались вниз к реке. Вскоре прибрежный ивняк скрыл шумное семейство от людских глаз.

Ильин постоял у радушного сушняка, облокотившись на него, покурил, до боли в глазах всматриваясь в неприступную стену утопающего в собственной золотой пыли соснового бора. Но ничего подозрительного больше не обнаружил.

Проснувшуюся для новой жизни тайгу переполняли многоголосое щебетание птиц, шорохи игривого ветерка да нарастающий рокот самолёта.

«Небось уж переплыли речку, а за нею – малинники. Прошлогодняя ягода осыпалась, в земле растворилась, а вот набухшие свежие почки пожуют. Тоже кушанье. Да там и лосиных троп не считано... Славненько, медведица, славненько! Если и вернёшься, то не раньше осени: понежить в берлоге медвежат под горячим мамкиным брюхом ещё одну спячку».

Василий побежал к избушке. Зинаида с Настей уж заждались его.

– Пап, а я хочу к медвежаткам. Они никуда не ушли? – с нескрываемой надеждой в голосе спросила дочь и стала опять уговаривать отца повести её к медведям. Зная, что те далеко, тот согласился. Заряженный карабин хорошо скрывала от Настиних глаз брезентовая куртка.

– Что медведи! Вот подрастёшь, дочка, и мы доберёмся до места, где упал Тунгусский метеорит. Слыхала про такой? Тогда и расскажу тебе о нём. Сто лет про это чудо говорит весь мир. А мы рядом живём и только газетки о нём почитываем. Хо-чу-у сам всё поглядеть! Руками потрогать! А вдруг не учёным, а нам, истым таёжникам, метеорит подмигнет сверкающим осколком неизвестного металла или закачается перед Настёной замшелой вековой глыбой.

– Пап! А это далеко?

Насте явно понравилось его задумка. Глазёнки заблестели азартными огоньками.

– Отсюда - да. Пойдём на моторке вверх по Тунгуске до Ванавар. Дальше вертолёт до Пристани. Там найдем дядю проводника и потопаем в приангарскую глухомань пешочком. Насколько мне известно, до Тунгуса добираться несколько дней с ночёвками.

Василий почувствовал, как возгорается в нём давняя мечта.

– Ты знаешь, малышка, почему назвали его Тунгусским? – дочка сосредоточенно молчала. – А упал-то он всё-таки у нашей Тунгуски, там до неё рукой подать!

– Пап, а Енисей больше Тунгуски? – девочка скорчила любопытную рожицу.

– Вот скажи, кто больше: я или мама Зина?
– У-у-у!
– Вот и он, батюшка, такой же могучий! – Василий ухмыльнулся своему сравнению, а жена отозвалась залившимся смехом.
– Ну, ты даёшь! Сравнил тоже... А с поездкой к метеориту здорово придумал.
– Может, там медведицу с медвежатами и их папой встретим, наших... – с грустинкой в голосе размечталась Настя. – Или в ихай тайге живут только плохие медведи? Сердитые? Как у дедушки Толстого?
– Кого тебе бояться-то, я же с ружьём!
– Так нечестно, пап! У медведей ружьёв нету! – Ильин серьёзно посмотрел на дочь и впервые удивился тому, как умно устроено это маленькое человеческое чудо – ребёнок.
– А я его в рюкзаке понесу. На всякий случай, если какой-нибудь дядя-мишка шалить начнёт. – дочка одобрительно закивала головкой.

День поклонился закату. Натруженное, красное солнышко устало повисло на вершине Медвежьей скалы. Скукоженные тени торопливо прятались под нижние ветки деревьев, в разверзшиеся ущелья и в подножии скал.

После прогулки в избушку заходить никто не захотел, и на каменистой опушке у зимовья Ильины дружно стали сооружать из сухого хвойного лапника кострище, окаймив его подковой пахучих сосновых веток.

Вскоре над тайгой взлетели голубые змейки смолистого дыма. Всем стало тепло и весело. Чуткое, многоголосое эхо понесло их песни и пляски в далёкую глубь леса. Василий пёк в золе картошку, жарил шашлыки. Зина варила в котелке какао на сгущённом молоке. Между делами и едой они играли в прятки и в «каравай, каравай, кого хочешь выбирай». А когда пришло время отправляться Насте ко сну, та придумывала одну отговорку за другой, только бы не отходить от первого в её жизни большого, чарующего костра. Он явился ей настоящим чудом: огненные стрелы метал в плывущие облака, таинственно потрескивал и угрожающе шипел, распластывал по кругу длинные, жалящие языки искромётного пламени. И только с первыми звездами на небосклоне, вконец умаявшись, свернувшись калачиком, розовощёкая от впечатлений Настенька уснула на мягкой пихтовой лапе.

В беспокойном сне хрупкое тельце маленькой сибирячки подёргивалось и вздрагивало. Наверное, от пережитого ею непростого таёжного дня. Она, то вскрикивала, разговаривая с птичкой, то подзывала к себе шkodливых медвежат.

Проснулась Настя поздним утром, когда улыбчивое солнышко уже поднялось над горами. Василий с Зинаидой принялись наперебой поздравлять своё сокровище.

– Настенька, любимица наша, с днём рождения!

Мама Зина вплела в её белобрысые, чуть отросшие косички новые капроновые банты. Синие, в жёлтый горошек, они глазастыми волнами свисали на худенькие дочкины плечики.

– Лапушка! Сегодня твой день. Скажи, что подарить, и мы с папой исполним твоё желание.

Настино личико озорно и лукаво засветилось.

– А папа знает, чего я хочу.

– Что, доча? – удивился отец.

– Хочу, чтобы ты подарил мне медвежаток. Тех, наших!

– Настенька! Они же – детки, а не магазинские игрушки! Маленькие детки, понимаешь, такие, как и ты. Разве я могу забрать их у мамы медведицы?! Ты же не хочешь, чтобы тебя забрали у мамы кому-нибудь в подарок на день рождения?

Василий внимательно вглядывался в нехитрые детские эмоции, зримо отражающиеся на дочкином личике.

– Чего молчишь-то, кроха?! Давай, говорить, думать.

- А я ещё вчера придумала: подари медвежаток. И всё. Я буду их мамой!
- Настя!!!

Семейство Ильиных торопливо засобиралось домой.

Подъезжая к поселковому универмагу, Василий увидел у забора Пахомыча, старого байкитского собаководы и охотника. Тот продавал месячных щенков от своей знаменитой лайки Лунки. Не торгуясь, Ильин с радостью купил двух самых задиристых, со светло-серыми пестринами на лбу и передних лапках щенят. Засунул их под полы куртки, наглухо, до подбородка, застегнув замок. Да где там! Их остренькие, мокрые мордашки тыкались по его широкой груди, скуля, царапая и кусая. Изо всех сил они пытались выбраться наружу. Василий едва удерживал их руками, боясь, что вот-вот выскользнут на волю и дадут дёру. Ему так хотелось преподнести сюрприз дочке.

А Настенька уже бежала навстречу отцу.

– Папка, я видела! Ты лайчаток купил. – Без особой радости выпалила она.

– Да, Настёна. Доверяю тебе ухаживать за малышами. Теперь ты – их мама. Это очень не просто, дочь, стать им настоящей мамой. Постарайся.

– Ладно, постараюсь... А ты, папочка, когда я научусь быть лайчатковой мамой, подари мне медвежаток.

г. Красноярск
